

Дмитренко М.И., Проценко О.П.

ОБЩЕНИЕ В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

Актуальность темы обусловлена рядом обстоятельств. Онтологический поворот в философии связан с переосмыслением традиционного социокультурного пространства, представленного системой строго детерминированной и упорядоченной. Внимание к хаосу и дезорганизации как факторов с необходимостью входящих в динамику социального бытия открывает новые направления в исследовании устойчивых тенденций в личностных притязаниях человека, их аксиологической направленности. Внимания к теоретической интерпретации общения связана также с расширением коммуникативного поля, вмещающего в себя сферы, рожденные рыночной экономикой (реклама, паблик рилейшнс, менеджмент), которые наполняют систему общественных отношений конгломератом новых поведенческих практик, наделяя их теоретическую интерпретацию актуальностью и значимостью. Проблема одиночества в крайней ее форме звучит так: что станет с человеком без Другого, как будет жить человек без общения с кем-либо, сможет ли он сохранить себя? При этом Другой не есть ни объект в поле восприятия, ни субъект, воспринимающий кого-то. С позиции Ж.П. Сартра, а затем Ж. Делеза Другой есть некая структура поля восприятия. Другой – «это существование свернутого, возможного» [8, с. 288]. Отсутствие Другого, соответственно, есть утрата возможного. Другой, таким образом, является тем миром, который позволяет реализовать себя, быть не только самим для себя, но и быть для кого-то – быть в его восприятии. Побывав в контексте с Другими, субъект обречен быть с кем-то и для кого-то априорно. Он будет стремиться окружать себя суррогатами, имитирующими процессы и явления, бывшие реальными, жонглируя ими, создавая иллюзию общения, квазиобщение.

Отсутствие физического контакта с кем-либо замещается возмещением тех видов и форм жизнедеятельности, которые необходимы и могли бы быть. Делез называет это «усилием населить мир другими, которые еще и он сам, и поддержать последствия присутствия другого, когда структура угасает» [8, с. 295]. Человек, раз вкусивший факт общения, будет воспроизводить его в искусственных и даже извращенных формах.

Общение немислимо без диалогичности, в его основе заключено отношение к «Другому» как к «Ты». Это отношение, понимаемое как диалог, не в традиционном логическом, а в феноменологическом смысле, ориентирует на «поступок». Поступок есть действие, совершаемое и воспринимаемое. Философия поступка, по М. Бахтину, состоит в преломлении ценностного потенциала в акт физической активности, и мысли, и интонации, и слова, и молчания. Они – явления непосредственной действительной, неповторимой, единственной, «безысходной» включенности в «событие бытия». К общению обращена внешняя сторона поступка, его форма, способ обнаружения процессов, происходящих внутри индивида: мышления, чувствования, переживания. «Я, – пишет М.М. Бахтин, – становлюсь самим собою, только раскрывая себя для другого,

через другого, с помощью другого» [5, с. 311-312]. Отрыв, отчуждение, замыкание в себе может стать причиной потери, утраты самого себя. Все внутреннее следует повернуть во вне – диалогизировать. По утверждению М.М. Бахтина «само бытие человека (и внешнее, и внутреннее) есть глубочайшее общение. Быть, значит общаться...» [5, с. 311-312]. Поступок диалогичен в том смысле, что он адресован и с необходимостью вызывает к себе отношение. Взаимное отношение, которое заключает в себе поступок, ведет к взаимоизменению относительно ситуации, события, чего-то происходящего. Поступок сопричастен и суверенен. Личность объективирует себя в поступке.

Личностное существование невозможно без коммуникации. Коммуникабельность заключена в устремлении к «другому», в познании себя через другого. Личность только в другом и обретает себя. Персонализм в лице Э. Мунье не склонен идеализировать коммуникацию. По утверждению философа, в процессе развертывания коммуникации возникают препятствия, и чудо подлинного общения совершается лишь в редкие минуты. К таким препятствиям относится определенная степень понимания, «своего рода злая воля», а «также эгоцентризм». «Стало быть, – утверждает Э. Мунье, – межличностное общение, чтобы быть позитивным, требует постоянной взаимности, обоюдного обогащения» [9, с. 137]. Позитив межличностных отношений предполагает систему духовных практик. Их основу составляет способность «выйти за собственные пределы», умение понять и принять позицию «другого»: а) взять ответственность за его судьбу; б) разделить его радости и горе. К ряду оригинальных деяний относится и великодушие. В щедрой и безвозмездной самоотдаче, также в постоянной верности любви и дружбе заключается «живительная сила личностного прорыва» [9, с. 136]. Личностное общение диалектично. Его основу составляет в него заложенное движение и утверждение личностного абсолюта, не подверженного никакой редукции, а также создание универсального и единого мира личностей.

Общение имеет качественное и количественное измерение. В качественном измерении общение предстает как подлинное или фиктивное, глубинное или поверхностное. Оно представляет собой единство (сплоченность, содружество, корпоративность) или конгломерат, набор, сумму отдельных позиций волеизъявления. Количественное измерение общения фиксирует его эмоциональную и рациональную нагруженность: пустое или содержательное, ситуативное или событийное, длительное (темпоральное) или фрагментарное.

Г. Батищев обосновывает наличие глубинного общения, которое строится на универсалиях культуры. Производным от глубинного общения может быть поверхностное или формальное общение, которое упрощено или ограничено. Последнее просто-напросто не воссоздает те уникальные особенности в их совокупности, которые отличают глубинное общение, а в частности: принятие и утверждение абсолютной приоритетности Универсума, объемлющего всякое бытие и всякую виртуальность; «сопричастность каждого всем субъектам в Универсуме и всех – каждому; приоритет безусловно ценностного отношения к миру»; «доминантность на всех Других», как устремленность человека не к тому, чтобы требовать от других и от всего мира для себя, а чтобы начать с себя; утверждение и признание другого в «его возможности быть

таковым, быть своеобразным субъективным миром; «творчество как свободный дар встречи, дар межсубъективности» и сотворчество «как креативное участие в решении все» более и более трудных задач Универсума [4, с. 126-128].

Трактовка Другого как потенциальной возможности, как искусственно организованной структуры объектов и субъектов с присущими им «маргинальными мирами» связана с феноменом массы. Этот феномен, по мнению Х. Ортеги-и-Гассета, определяет современную европейскую жизнь: растущее столпотворение, стадность, всеобщую переполненность, которые стали повседневностью, чего не было раньше [10, с. 45-46].

Масса, или толпа – это множество. Как чувствует себя отдельный индивид в этом множестве? Меньшинство обозначает себя через совокупность лиц, наделенных особыми качествами. Индивиды, составляющие большинство, таковыми не обладают. Пребывание вместе обусловлено наличием у индивидов совместного качества ничейности и отчужденности. Такой человек не отличается от других, а, напротив, повторяет их. Толпа являет собой особого рода общение – общение через уподобление, через совпадение мыслей эмоций, целей, образа жизни и способов действий. «Масса, – пишет Х. Ортега-и-Гассет, – сминает непохожее, недюжинное и лучшее. Кто не такой как все, кто думает не так, как все, рискует стать изгоем. И ясно, что «все» – это отнюдь не «все». Мир обычно был неоднородным единством массы и независимых меньшинств. Сегодня весь мир стал массой» [10, с. 48].

Толпа – объединение независимых изолированных индивидов. Что происходит с индивидуальной неповторимостью пребывающих в толпе людей. Такого рода единение способствует появлению новых качеств и иных черт, не разнящих их, а, наоборот, уподобляющих. Толпа взывает к похожести и организует действия людей в одно направление.

Объединение в толпу и пребывание в ней способствует образованию духовного единства. Особенностью общения индивидов в толпе состоит в том, что, несмотря на свои отличительные качества и неповторимые черты, занятия или образ жизни, они, собравшись, начинают чувствовать, думать и действовать одинаково в достаточно кратный период времени. Г. Лебон называет это «психологическим законом духовного единства толпы» [8, с. 158].

Общение, которое дает толпа, основывается на вновь образующихся чертах, не характерных для каждого отдельного индивида ранее. В толпе он более раскован, освобождаясь от условностей предыдущих обстоятельств жизни. Пребывание в толпе деперсонализирует ответственность. Ответственность переносится на другого, делится на всех и в конечном итоге – отсутствует как таковая. Поведение индивидов в толпе отличается высокая степень подражательности. Подражание носит бессознательный характер. Оно молниеносно. В этом процессе происходит отказ от личностного в угоду коллективному, общему. Общение в толпе строится на механизме внушения и манипулирования, которым трудно противостоять даже при желании отдельных личностей остаться независимыми.

Общение в массе (какой бы вид масса не приобретала) ситуативно, т.к. само

существование массы неустойчиво и неопределенно. Кроме того, массовое общение всегда относительно по цели. Цель может быть спонтанной потребностью или импульсивным желанием, переходящим интересом. Общение, которое возможно в границах массового движения, неустойчиво.

Общение в массе притягательно и имеет высокое эмоциональное напряжение. Ликование, гнев, солидарность, равенство в массовом сознании приобретает абсолютный характер. Общение в массе воспринимается индивидом как данность безотносительно к его прошлому. Человек хотя бы на время становится другим, груз прежней жизни над ним не довлеет.

В массе происходит «стирание» социальных дифференциаций. Статус, роли, звания утрачивает свое значение. Появляется иллюзия равенства. Любая масса гомогенна по своему характеру, и общение в ней носит однородный, безличный характер. Именно это и обуславливает устойчивое желание и даже потребность оказаться в массе.

Общение желанно и тягостно, оно влечет и отталкивает в результате единства и противостояния входящих в него персон. Изначальная противоречивость общения дает основание утверждать конфликтность как «изначальный смысл бытия для другого», – утверждает Ж.П. Сартр. Единство с другим, по мнению философа, неосуществимо ни фактически, ни юридически, так и как «ассимиляция бытия для себя» и другого внутри одной и той же трансценденции с необходимостью повлекла бы за собой исчезновение у другого черт его инаковости» [9, с. 219].

Преодоление конфликтности как выявления и сохранения знаковости, с одной стороны, и сохранение контакта с другим приводят к необходимости поиска универсальных средств и способов, способствующих пониманию. Необходимость самовыражения и утверждения себя среди других создают условия для общения и единения. К таким условиям относится язык общения – вербальная и невербальная сфера.

«Человек не был бы человеком, – считает М. Хайдеггер, – если бы ему было отказано в том, чтобы говорить – непрестанно, всеохватно, обо всем, в многообразных разновидностях и большей частью в невысказанном «это есть то» » [14, с. 259].

Первое, что включает в себя говорение в своем исходном значении, – это речь. Речь представляет собой вид человеческой деятельности, факт уникальной человеческой активности. Речью человек обнаруживает свою неповторимость, свою инаковость и с помощью речи осуществляет контакты, совокупность которых и ведет к общению. Именно речь выступает средством для взаимопонимания.

Говорение предполагает слушание, как утверждает Хайдеггер. Говорение и слушание – единый процесс, в котором полагает себя язык. Но есть еще одна активность, связанная с речью – ее отсутствие, молчание, пауза, отстранение от говорения или отказ от него. В таком случае общение осуществляется невербально. В невербальном общении буйствует многообразие языков – символических образований.

В процессе общения именно язык приводит к пониманию. Субъекты общения становятся не просто собеседниками. Между ними устанавливается взаимопонимание, которое заключается не в том, что один ставит себя на место другого или проявляет

непосредственное участие. Понимать – значит однозначно истолковывать суть дела. «Язык есть та среда, – пишет Гадамер, – в которой происходит процесс взаимного договаривания собеседников и обретается взаимопонимание по поводу самого дела» [6, с. 447].

Язык как система знаков ничто иное, как посредник в общении. В ходе развития общества меняется статус знака и его использование. В эпоху Возрождения, когда происходит зарождение капиталистического хозяйствования, исчезает иерархический порядок общения и отношений. С этого момента знак утрачивает межклановое или межкастовое свое хождение, приобретая статус произвольности. «Произвольность знака, – пишет Ж. Бодрийяр, – появляется тогда, когда вместо того, чтобы связывать двух лиц узами неразрывной взаимности, он начинает в качестве означающего отсылать к расколдованному миру означаемого, общему знаменателю реального мира, которому никто ничем не обязан» [2, с. 114]. Знак эмансипируется. Он получает предельно широкое использование – производить эквиваленты означающего.

Система знаков аккумулируется в людях. В современном мире общение детерминируется модой на знак. Знак приобретает тотальное значение в общении. Общение осуществляется через систему знаков, кодируется в знаках. Производство товара, купля-продажа товара определяют и совокупность отношений, и условия контакта, и необходимость связей. Общение может не состояться, если знаковое кодирование не становится понятным, узнаваемым, универсальным. Моральный, правовой, политический стэндинг приобретают краски, вещи, звуки, особым образом организованное пространство. Так, в деловом общении особое значение имеет костюм, аксессуары, техническое оснащение (машины, мобильный телефон и т.д.), предметно-вещное окружение. Идентичность, которая выступает необходимым условием любого общения, всегда выступает в своей качественной определенности: общение между партнерами, общение между полами, общение в сфере трудовой, творческой деятельности, общение во время досуга, праздника и прочее.

Круг общения определяется в зависимости от носителя – социального института, или от интереса – социальной потребности. Система знаков обуславливает ментальность общения в его опосредованности. Символизм в общении находит себя в самых смелых и неожиданных проявлениях: в маркировке тела, кодировании статусной иерархии, ролевого позиционирования. Символическое в таком случае выступает как «акт обмена и социальное отношение, кладущее конец реальному, разрешающее в себе реальное, а заодно и оппозицию реализованного и воображаемого [2, с. 243]». Отдельные знаки приобретают статус всеобщего, становятся универсальными кодами, выходя за границы национального, этнического, территориального, религиозно-конфессионального и т.д. К ним с полной уверенностью можно отнести этикет как дипломатический протокол, рекламу, одежду или другую вещь, утратившую персонализированность.

В обществе потребления именно потребление становится главным содержанием общественной жизни. Более того, именно оно и определяет характер общения, его видовое разнообразие. Культурные знаки, обмен между которыми определяет механизм общения, делает общение виртуальным. Общение утрачивает межличностный характер,

когда в контакт вступают не личности, а знаки, в которых они себя позиционируют, системы опознавания. «В рамках общества потребления» понятие статуса как критерия, определяющего достоинства члена общества, имеет тенденцию все более упрощаться, совпадая с понятием «стендинга». Конечно «стендинг» определяется и такими факторами, как власть, авторитет, ответственное положение, но ведь в конечном счете «нет настоящей ответственности без часов марки «Лип»» [3, с. 161]. Представить современное общение невозможно без манипулирования знаками. Чтобы включиться в общение, субъект должен если не обладать необходимыми для этого качествами, то хотя бы обладать системой их обозначений. Эти значения, персонализируясь, включаются в среду общения и потребляются. Зачастую в процессе общения сущность не соотносится с явлением.

Символические образования выступают посредниками общения. Они продуцируют визуальную его сторону, создавая форму, иногда декорирующую содержание. Иногда форма приобретает самостоятельное существование, становясь формой формы (церемониал, ритуал, дипломатический протокол и прочее). «Чувство виновности, страха и смерти, – пишет Ж. Бодриар, – могут подменяться наслаждением чистыми знаками виновности, отчаяния, насилия, и смерти. Это и есть эйфория, симуляция, стремящаяся к отмене причины и следствия, начала и конца, к замене их дублирования» [2, с. 152]».

Вследствие замещения знаками реальности, общение приобретает характер «символического обмена». Наиболее отчетливо это проявляется в маркировке тела, которая имела место в архаическом обществе и которая приобрела масштабный характер в цивилизованном. Ж. Бодриар, касаясь вопроса маркировки тела, утверждает, что в современной культуре (и в этом ее отличие от архаической) знаки обладают меновой стоимостью. В архаическом обществе субъект не торговал своей идентичностью, а, напротив, уничтожал свою идентичность [2, с. 203].

Тотальная сигнификативность становится отличительной особенностью современной культуры общения. Этот актуализировало такие направления научного исследования, как кинесика (язык тела) и проксемика (язык расположения субъектов общения в пространстве). В процессе невербального общения происходит перевод фактов в систему знаков, которая становится языком. Статус знаковости приобретают вещи, мимика, жесты, наполненность пространства предметами и вещами, месторасположение участников общения относительно друг друга. Этот так называемый словарь языка общения выступает хранителем информации и способом обмена информацией. Благодаря невербалике общение в целом и поведение его участников в частности приобретают текстуальность, а соответственно, и возможность прочтения.

Невербальные формы общения таят в себе более или менее общие указания на ситуацию и ее «создателей», заключают в себя возможность предпочтения знаковой комбинаторики поведения в общей стратегии общения. Неречевые приемы общения, передавая информацию, в большей степени фиксируют эмоционально-чувственную нагруженность общения, артикулируют наиболее важные моменты в сообщении, дополняют смысловое содержание, свидетельствуют об индивидуальном подходе каждого участника к основной цели общения. Невербальные приемы включаются

в создание моделей, стереотипов поведения, с помощью которых идет трансляция ценностно-нормативного потенциала социокультурной среды.

Диспозиции, которые довлеют над общением (уединенность и коммуникативность, отстраненность и привязанность, отличие и уподобления), предваряясь в сферу морали, обуславливают систему этических норм, порой не совпадающих по своей сущности и назначению. Одни – ориентированы на единый интерес людей. Закрепляя и определяя отношения между ними, они направлены на сохранение социального порядка, включаются в регулятивную систему социальных институтов. Другие – направлены на формирование моральных качеств личности, определяющих ее индивидуальность со стороны способности к общению, консенсусу и компромиссу. В современной философской мысли деление этики на универсальную и социально имманентную аргументировано Э. Фроммом. Под «универсальной этикой» философ предлагает понимать такие тенденции поведения, которые направлены на рост и развитие человечества. Универсальная этика находит себя в таких принципах, которые направлены на существование человека как непреложной ценности, фиксируют благо человека как неоспоримую ценность его существования. Э. Фромм подчеркивает, что этические системы всех великих культур демонстрируют схожесть в том, что считать необходимым для человека. «Социально имманентная этика» включает в себя запреты и повеления, обязательные для существования общества в его конкретном проявлении: определенном способе производства, образе жизни. Этические нормы складываются в группы, поддерживающие и определяющие поведение людей в заданной социальной активности, такой как, например, ведение тех или иных видов хозяйства, достижение успехов в ведении войны, устройство быта и прочее. Именно «социально имманентная» этика определяет иерархию моральных ценностей в зависимости от интересов индивида. «Терпение и взаимовыручка, – согласно Э. Фромму становятся добродетелями в обществе, где преобладают сельскохозяйственные кооперации. В современном обществе прилежание возведено в ранг одной из высших добродетелей, потому что современная индустриальная система нуждается в трудовом порыве как в одном из самых важных ее производительных сил» [12, с.230].

Роль этики в коммуникативном пространстве оригинально представлена в современной немецкой практической философии в лице К.О. Апеля. Ситуацию, связанную с обоснованием места и значения этики в индустриальном и постиндустриальном обществе, исследователь обозначает как парадоксальную, проблемную. В основу общения, соответствующего единой планетарной цивилизации, которая находится в становлении, по мнению авторов, заложено рациональное обоснование всеобщей этики. Всеобщая этика, наличие которой продиктовано современным состоянием науки, техники, экономики, аккумулирует в себе моральные приоритеты микросферы (семья, брак, соседство), мезосферы (национальные традиции), макросферы (судьбы человека). При этом моральные ценности макросферы в значительной степени совпадают у различных народов. В мезосфере они сводятся к импульсам группового сознания и групповой идентификации, а собственно политические решения приобретают значения нейтрального в отношении к морали

«политического разума». В повседневной жизни человека моральной заданности макросферы уделяется мало внимания. Вместе с тем, процессы, происходящие в современном мире, связанные с военными и террористическими действиями, последствием научно-технического прогресса и прочее, требуют не только актуализации принципов макроэтики или всеобщей этики, но и ее рационального обоснования и привнесения как в систему социальных отношений, так и в сферу межличностного общения. Это прежде всего касается ответственности и справедливости всех и каждого как возможного участника этического дискурса, создание консолидирующей нормативности в области практической этики: этики науки, био-, эко- и медицинской этики, предпринимательской этики и т.д. Актуализация универалистской этики, по мнению Апеля, со стороны профессиональных философов заключается еще и в том, что в настоящее время человек как для своего выживания, так и для выживания всего человечества должен выйти за границы квазиэкзистенциальной этики, преодолеть этноэтику, ориентированную на принадлежность к частной культурной традиции. Для формирования принципов единства человечества необходимо перейти к понятию «Мы» в смысле возможной солидарности [1].

Развивая идею моральной детерминации общения, Ю. Хабермас обращается к идее рационализации и универсализации действий социального субъекта. Моральное обоснование социальной зависимости находит себя в нормотворчестве, трансформирующегося в действие, в контакт, связь, отношение. В своем конкретном выражении и прагматическом применении общение, таким образом, выступает системой коммуникативных практик. Стратегия коммуникации разворачивается через притязания его участников. Субъекты коммуникативных действий, или акторы, как вслед за Т. Парсонсом выражается Ю. Хабермас, через притязания выражают свои интересы, приоритеты и другие аксиологические константы. Их противоречивость снимается попыткой установить соглашение, основанное на моральных позициях. Дискуссия участников коммуникативных практик ведет к поиску и установлению консенсуса, где особую роль приобретает аргументация.

Конфликты, которые возникают при взаимодействии субъектов общения, бывают напрямую вызваны нарушением согласия по поводу нормативности поведения. Поиск согласия связан с признанием значимости притязаний участников общения. В подобного рода процедуре происходит формирования «некой общей воли». Требуется реальная дискуссия с участием всех заинтересованных лиц. В основе такой процедуры Ю. Хабермас видит два принципа: аргументацию и соучастие. Именно они и обусловили введение этического дискурса как главного принципа в трансляции консенсуса. Дискурс употребляется Хабермасом в значении способности социального субъекта рассуждать и обсуждать, а также критиковать тенденцию, заключенную в поступках, действиях. Согласно Хабермасу, этика дискурса покоится на двух допущениях. Во-первых, притязания на нормативную значимость обладают исходным понятийным потенциалом и могут отождествляться с притязанием на истинность. Во-вторых, любая императивность, будь то норма или предписание, требует вербально артикулированных форм совместного, не монологического обмена аргументами [13, с. 108].

Дискуссия, ориентированная на этический дискурс, по мысли Хабермаса, может быть построена по правилам минимальной логики, которая раскрывается в системе постулатов, принадлежащих Р. Алекси. Суть их заключается в такого рода исходных постулатах: ни один говорящий не должен противоречить себе, разные говорящие не должны использовать одно и то же выражения, придавая ему различные значения; тот, кто прибегает к высказыванию или норме, не относящимся к предмету дискуссии, должен привести основания для этого, каждый может ставить под вопрос любое утверждение, вводить в обсуждение любое утверждение, выражать свои установки, желания и потребности и т.д. Так, принципы минимальной логики становятся средством достижения консенсуса. В свою очередь принцип компромисса, который в коммуникативной практике предстает как уступка, способствует реализации морального порядка. Целесообразность в коммуникативном поле опирается на строгие моральные нормы, воплощающие в себе долженствование и обязанности сообщающихся друг с другом людей. Этика дискурса в данном контексте выступает как своеобразный метод, способствующий воплощению морально ценного в каждый коммуникативный акт.

И так, с позиции философского знания, общение есть не только «субъект-субъектное», но и «субъект-объектное» отношение, где в качестве объекта (Другого) может быть не только факт материального бытия, но и созданная самим субъектом реальность прошлых событий или придуманный им мир, где присутствует априорный субъект или виртуальная реальность.

Общение не однородно. В своем конкретном проявлении его можно обозначит через количественную (интенсивность, темпоральность) и качественную характеристики (глубинное, поверхностное).

В своем осуществлении общение всегда опосредовано. Его исходным и незаменимым инструментом является язык, который в своей определенности выступает вербально и невербально.

Коммуникативность – это основной модус общения, который наполняет общение не только информативностью, но и аксиологическим смыслом. Моральная нормативность обеспечивает универсальную, упорядоченную коммуникативность, наделяя общение согласием и взаимопониманием участников.

Литература:

1. Апелъ К.О. Етноетикатауниверсалістськамакроетика: суперечність чи доповнювальність? // Політична думка. – 1994. – № 7. – С. 85-92.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет. 2000.
3. Бодрийяр Ж. Система вещей / Пер. с франц. – М.: «Рудомино» – 1995.
4. Батищев Г.С. Особенности глубинного общения // Вопросы философии. 1995. – № 3. – С. 109-129.
5. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985. – М.: Наука, 1986.
6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.
7. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философии герменевтики: – М.: Прогресс, 1988.
8. Лебон Г. Психология масс. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000.

9. Мунье Э. Персонализм // Французская философия и эстетика XX века. – М.: Искусство. 1995.
10. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Избранные труды: М.: Изд-во «Весь Мир», 1997.
11. Сартр Ж-П Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм // Проблема человека в западной философии: Переводы. – М.: Прогресс, 1988.
12. Фром Э. Человек для себя / Пер. с англ. – Мн.: «Коллегиум», 1992.
13. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – Спб.: Наука, 2000.
14. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика. 1993.